

С. А. Максимов (*Ижевск*)

Коми-пермяцко-удмуртские лексические параллели

Вопроса ареальных языковых явлений в пермских языках так или иначе касались многие учёные, занимавшиеся пермской филологией. Но обстоятельных работ, посвящённых названной проблеме, немного. Среди них в первую очередь необходимо назвать мо-

нографию Р. М. Баталовой “Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки)” [Баталова 1982], где рассматриваются различные языковые явления двух коми языков с точки зрения их территориального распространения. В одной из работ Т. И. Тепляшиной [1979], посвящённой лексическим коми-удмуртским соприкосновениям, приводятся примеры локально ограниченного употребления общепермских слов и их форм во всех трёх пермских языках. Имеется статья С. К. Белых [1995], в которой в ареальном аспекте рассматриваются некоторые фонетические и морфологические элементы пермских языков. Учёными отмечается наличие в коми-пермяцком и удмуртском языках общих элементов, которых нет в коми-зырянском. Так, Р. М. Баталова [1967], исследуя лексику двух рукописных словарей, в которых представлены материалы исчезнувших ныне коми-пермяцких диалектов, отмечает, что для некоторых слов имеются соответствия только в удмуртском языке, например: *берись* ‘липа’ ~ удм. *беризь*, *бырёт* ‘накипь’ ~ удм. *быректыны* ‘вскипеть’, *гёрд кушман* ‘свёкла’ ~ удм. *горд кушман* и т. д.

Несмотря на наличие некоторых публикаций, вопрос пермяцко-удмуртских параллелей нельзя считать решённым. Данная работа в этом отношении явится пусть небольшим, но шагом вперёд в решении названной проблемы. В ней рассматриваются общие лексические элементы, характерные только для удмуртского и коми-пермяцкого языков. Описываемые слова можно разделить на три группы по ареалам распространения.

1. Лексика, охватывающая коми-пермяцкие (и коми-язвинский) диалекты и большинство удмуртских говоров.

Зын – кп. ‘вонь, дурной запах, испорченный воздух, зловоние’, *зыналыны* ‘нюхать, понюхать’ [КПРС: 151]. В удмуртском языке коми-пермяцким словам имеются аналогичные соответствия: *зын* ‘запах; вонь’, *зыньяны* ‘понюхать, нюхать’ [УРС 1983: 157]. В КЭСК [с. 108] коми-пермяцкое и удмуртское *зын* под вопросом сравнивается с мокшанским *шине* ‘запах’. В коми-зырянском языке для выражения понятия ‘запах’ используется русское заимствование, которое, по-видимому, вытеснило исконное слово.

Комидз – кп., *ku miž* – кя. ‘зелёный лук’, ‘трава лука’; удм. *кумызь* ‘дикий лук’ [ИВПЯ: 47]. Здесь же В. И. Лыткиным даны формы из шошминского диалекта со значением ‘чеснок’ и приводятся параллели из угорских языков. Нужно отметить, что слово

кумыз' с тем же значением зафиксировано в слободском говоре удмуртского языка [Архипов 1987: 89]. Кроме того, оно бытует в кукморском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта. В некоторых говорах южного наречия и частично в срединных говорах слово *кумыз'* используется для обозначения черемши (дикого лука). Вероятно, и прапермяне использовали данное слово для обозначения дикого лука, но в связи с изменившимися природными условиями ныне оно полностью вышло из употребления в коми-зырянском языке, сохранившись лишь в коми-пермяцких и частично удмуртских говорах.

Кõt: ~ *кучик* – кп. 'кожа на брюхе (животного)', *кõта* 'стельная', *мõсыс кõта* 'стельная корова' [КПРС: 191]. Названным словам мы находим соответствия лишь в удмуртском языке: ср. удм. *кõt* 'живот, брюхо', *кõто* 'беременная' [УРС 1983: 217]. В коми-зырянском языке подобные слова отсутствуют, в нём для обозначения понятия 'живот' используется слово *кынõм*. Последнее является обычным и для коми-пермяцкого языка.

Модз – кп. 'друг; подруга', *модзасьны* 'дружить (о девушках, женщинах)' [КПРС: 252]. В КЭСК [с. 172] пермяцкое слово сравнивается с удм. *музъы* 'подруга', сев. 'любовница'. Здесь же приводятся прибалтийско-финские и мансийские примеры. В то же время в коми-зырянском языке оно отсутствует.

Чõчы, чечы – кп. детск. 'что-либо вкусное, сладкое' [КПРС: 534, 543]. Наиболее близко к этим словам в удмуртском языке среднечепецкое *чэч(ч)ы* 'вкусное, сладкое, вкуснятина', употребляющееся в детской речи и при обращении к детям. В литературном языке также имеется похожее слово *чечым* – детск. 'сладкий, вкусный'; 'сладко, вкусно' [УРС 1983: 472]. Кроме того, в удмуртских диалектах и в литературном языке распространено слово *чечы* (диал. *чõчы*), близкое по семантике пермской лексеме.

šal'ag – кп. 'вид рыбы'; удм. *шалькко* сев. 'налим' [ИВПЯ: 167]. В словаре Т. К. Борисова [1991: 339] слово *шалькко* с пометой "северное" имеет значение 'линь'. Считаем, что сравнение пермяцкой лексемы с удмуртской вполне приемлемо.

2. Лексика, характерная для коми-пермяцкого языка и северного наречия удмуртского языка.

Будзгыльсьны – кп. 'смотреть зло' [Баталова 1975: 211]. Баталова это слово относит к словам, специфичным для северного наречия коми-пермяцкого языка. Ему можно найти соответствия

в удмуртском языке: ср. быч: диал. ~ учкыны 'смотреть тайком' [УРС 1983: 65]; сч. бьччѣй учкѣйнѣ 'смотреть пристально (тайком)'.

Йалдоргуби – удм. сч. 'опёнок настоящий' [Вахрушев 1987: 78]; это же слово в слободском говоре имеет значение 'луговой опёнок' [Архипов 1987: 89]. Оно состоит из трёх отдельных лексем: *йал* – сев. 'пень', *дор* 'у, около', *губи* 'гриб'. Соответствующим образом название опёнка образовано в коми-пермяцком языке: ср. кп. *мыр дор тиак* 'опёнок' [КПРС: 261]. Отдельные компоненты данного сочетания слов имеют значения, аналогичные составным частям удмуртского слова. В коми-зырянском сочетании слов *мыр выв тиак*, обозначающем 'опёнок, опята', второй компонент имеет значение 'поверхность, верх' [КРС]. В удмуртском литературном языке для обозначения этого же вида гриба применяется слово *лйялгуби* [УРС 1983: 258], состоящее из двух компонентов: *лйял* 'пень' и *губи* 'гриб'. Таким образом, в данных примерах структура северноудмуртского слова в наибольшей степени приближена к коми-пермяцкому словосочетанию.

Нюжстэм – удм. сев. 'шалун (о детях)', 'невыдержанный, ведущий себя вызывающе (о взрослых)' [УРС 1948: 213]. Значение производящей основы затемнено. Среди других однокоренных слов в удмуртском языке нам известно только слово *н'ужстэм-йас'кѣйнѣ* – сч. 'кривляться, гримасничать (о детях)'. Но мы находим соответствия в коми-пермяцком языке: ср. кп. *нѣштѣм* 'некрасивый, непривлекательный; отвратительный, нѣштѣмасьны' 'расквкаться', 'кривляться, гримасничать' [КПРС: 273]. Рассматриваемым словам имеются соответствия и в коми-зырянском языке, но семантика их достаточно далека от пермяцких и удмуртских слов. В КЭСК [с. 188] приводится общепермская основа названных слов и даются её значения, наиболее близкими из которых к корню вышеназванных слов являются 'упорядоченный', 'ладный', 'дельный'.

Сѳр – кп. уст. 'мышца, мускул' [КПРС]. В удмуртском языке этому слову соответствуют слова *сѳр*, *вирсѳр* – сл. 'жила, кровеносный сосуд' [Архипов 1987: 86], удм. лит. *вирсэр* 'кровеносный сосуд; вена; артерия' [УРС], где *вир* имеет значение 'кровь'. Слово *вирсѳр* 'кровеносный сосуд, жила' имеется также в верхневычегодском диалекте коми языка, территориально прилегающем к коми-пермяцким говорам. Лексема *сѳр* по происхождению является финно-угорской [КЭСК: 264].

учэт – удм. сч. (д. Дондыкар) 'мало', *учэт на-а солэн кошкэ-мэз тьрыс'эн?* 'Разве мало времени прошло с тех пор, как он ушёл?' В КЭСК [110] в статье, где сравниваются пермские слова с основой *ич-*: кз. *ичёт* 'маленький', удм. *ичи* 'тж', имеются также слова с основой на *уч-* (*шс'*): *шс'эт* – кп., *шс'ёт* – кя. 'маленький', которые в значительной мере приближаются к удмуртскому диалектному слову. Это малораспространённое слово, ныне выходящее уже из употребления, могло быть заимствовано из коми-пермяцких говоров.

3. Лексика, характерная не только для двух исследуемых пермских языков, но и для южных коми-зырянских говоров.

Вон – кп., *ви и* – кя. 'брат', *вон-мен'* – лет. 'жена брата' (*мен'* 'сноха') [ИВПЯ: 33]. Эти слова В. И. Лыткин сравнивает с удмуртским словом *вын* 'брат'.

Кин, *кинi* – кп. 'кто' [КПРС: 173]; удм. *кин* 'кто' [УРС 1983: 199]. Данному местоимению имеются соответствия в южных коми-зырянских говорах: *кин* – вс., лл., *кинi* – лет. 'кто' [ССКЗД: 158]. В других коми-зырянских диалектах вместо названных слов употребительны слова *код*, *кодi*, которым в удмуртском языке соответствует лексема *кудиз* с тем же самым значением [КЭСК: 124–126].

Пи – кп. 'пазуха' [КПРС: 337]; *пий* 'тж' [ИВПЯ: 181]; *пи* – сс., *пий* – вс., лл. 'тж' [ССКЗД: 286]. В большинстве других коми-зырянских диалектов к данной основе был добавлен элемент *-тиöг* – *пи-тиöг*. В удмуртском языке для обозначения понятия 'пазуха' так же, как и в коми-пермяцком языке и в южных зырянских говорах, употребительно слово *пи*. Слово финно-угорского происхождения [КЭСК: 441].

Таким образом, в удмуртском и коми-пермяцком языках немало общих слов, которые находят соответствия в южных коми-зырянских говорах. Имеющиеся общие черты коми-пермяцкого языка и южных и юго-западных коми-зырянских диалектов Р. М. Баталовой [1987: 60] объясняются не только наличием переходных говоров, но и миграционными процессами.

Кроме как на вышеприведённых примерах, хочется также остановиться на некоторых лексемах, в основе которых лежат звукоподражательные слова или сами являются таковыми.

Гичыр-гичыр – кп. 'подражание скрежету зубов' [КПРС: 99]. Сравните данное слово с удмуртским *гизьыр-гизьыр: пиньёсты* ~

карыны 'скрежетать зубами' [УРС 1983: 108]. В коми языке соответствующее слово звучит как *гирчканы* 'скрежетать, скрипеть' [КРС: 160].

Дзувиктыны – кп. 'визжать, завизжать (о поросятах)' [КПРС: 121]. Ср. удм. *Зуиктыны* 'визжать (о поросятах)' [УРС 1983: 163]. В коми-зырянском языке для выражения данного понятия употребляется слово *чирзыны* [РКС: 60].

Приведённые примеры могут, конечно же, вызвать возражения, что они в каждом языке могли образоваться самостоятельно. Это возражение вполне уместно. Но необходимо учесть то, что, во-первых, приведённым удмуртским и пермяцким примерам мы не находим соответствий в коми-зырянском языке; во-вторых, в большинстве современных пермских диалектов фонетический строй практически тождествен или близок. Но, несмотря на это, сравнивая звукоподражательные слова, можно заметить, что при одинаковом значении в большинстве случаев формы слов в разных пермских языках далеки друг от друга. Ко всему сказанному добавим, что многие изобразительные и звукоподражательные слова не являются общими даже для отдельно взятого языка.

Выше мы привели перечень и краткий анализ слов, большинство из которых является исконными общепермскими (или даже финно-угорскими) словами. Кроме того, в описываемых языках представляет интерес локально ограниченная заимствованная лексика. Исследователями отмечается [ОФУЯ: 218], что некоторые чувашские заимствования имеются в коми-пермяцком языке, но отсутствуют в коми-зырянском, например: удм. *кубо* // кп. *коба* 'прялка', *сугон* // *сугонь* 'лук', *сусо* // *суса* 'челнок' и т. д. В одной из своих работ В. И. Лыткин [1967] приводит 30 болгарских заимствований в коми языках. Из этого числа 8 встречается только в коми-пермяцких и коми-язьвинском диалектах. Каждому из этих восьми слов имеются соответствия и в удмуртском языке. Наличие локально ограниченных болгарских заимствований в коми-пермяцком языке Р. Ш. Насибуллин [1992: 87] объясняет тем, что "к восточному коми населению русские колонисты пришли относительно позже, чем к западной его части, что давало возможность здесь дольше сохранить свободные клетки для проникновения болгаризмов, чем в коми-зырянском языке...".

Таким образом, в удмуртском и коми-пермяцком языках обнаруживается немало лексических единиц, которые отсутствуют

в коми-зырянском языке. Кроме ареальных лексических соответствий, в исследуемых языках имеются параллели на морфологическом и фонетическом уровне, а также в системе постановки ударения. Выше уже отмечались некоторые причины подобных языковых схождений, но для заключения окончательных выводов необходимо проведение в данном направлении более тщательных исследований.

Условные сокращения:

вс. – верхнесысольский говор коми языка; *детск.* – детская речь; *кз.* – коми-зырянский язык; *кп.* – коми-пермяцкий язык; *кя.* – коми-язвинский диалект; *лз.* – лузско-летский говор коми языка; *лет.* – летский говор коми языка; *сев.* – северное наречие удмуртского языка; *сл.* – слободской говор удмуртского языка; *сс.* – среднесысольский говор коми языка; *сч.* – среднечепецкий говор удмуртского языка; *удм.* – удмуртский язык; *уст.* – устарелое.

Библиографический список

Архипов Г. А. К изучению лексических особенностей слободского говора удмуртского языка // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 84–92.

Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Коми языки. М.: Наука, 1982. 167 с.

Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1975. 252 с.

Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике: Извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв. // Вопросы финно-угорского языкознания / Отв. ред. В. И. Алатырев; АН СССР. Ин-т языкозн.; Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при СМ УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. IV. С. 69–75.

Баталова Р. М. О следах миграционных процессов по данным диалектов коми языков // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 60–68.

Белых С. Следы общепермского праязыкового континуума в удмуртском и коми языках // Финно-угроведение. 1995. № 2. С. 3–17.

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Удм. отд. Всесоюзного фонда культуры. Ижевск, 1991. 396 с.

Вахрушев В. М. Названия грибов в удмуртских диалектах // Перми-стика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков: Сб. статей / НИИ при СМ УАССР; Удм. гос. ун-т. Ижевск, 1987. С. 75–84.

ИВПЯ – Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков / АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1964. 270 с.

КРС – Коми-русский словарь: Ок. 25000 / Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова; Под ред. В. И. Лыткина. М.: ГИС, 1961. 923 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман; ИЯ АН СССР; Пермский ГПИ. М.: Рус. яз. 1985. 624 с.

КЭСК – В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1961. 386 с.

Лыткин В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания / Отв. ред. В. И. Алатырев; АН СССР. Ин-т языкозн.; Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при СМ УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. IV. С. 131–142.

Насибуллин Р. Ш. Булгаризмы и их отношение к вопросу о времени распада общепермской языковой общности // Вордскем кыл. 1992. № 2. С. 81–95.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Реден. М.: Наука, 1976. 464 с.

РКС – Русско-коми словарь: Ок. 50000 слов / Т. И. Жилина, Д. А. Тимушев, Н. А. Колегова и др.; Под общ. ред. Д. А. Тимушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. 777 с.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25000 слов / Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

Тепляшина Т. И. Лексические коми-удмуртские соприкосновения // Вопросы финно-угроведения: Языкознание: Тезисы докл. XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов; АН СССР. Коми филиал. Ин-т ЯЛИ. Сыктывкар, 1979. С. 122.

УРС 1948 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / В. М. Вахрушев, К. А. Корепанова, Е. Н. Ложкина и др.; НИИ истории, языка, литературы и фольклора при СМ УАССР. М.: ГИС, 1948. 447 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев и др.; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при СМ УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.